

Материалы, поступившие в Особое Совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности.

Упорядочение общинного крестьянского землевладения.

Записка члена Высочайше учрежденного особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, камергера князя А. Г. Щербатова.

Россия—почти единственная страна в Европѣ, въ которой сохранилось самобытное, исторически развившееся землевладельческое крестьянство. Въ Западной Европѣ феодальная система вытѣснила землевладельческое крестьянство и создала фермерское батрачное хозяйство или мелкое землевладѣніе безъ опредѣленнаго типа; массу же населенія обратила въ безземельныхъ рабочихъ.

Въ Россіи крестьянское землевладѣніе сохранило свое государственное значеніе въ народномъ строѣ, благодаря общинному началу.

Общинное землевладельческое крестьянство есть главный устой существующаго, чисто русскаго государственнаго строя.

Возраженіе противъ общиннаго землевладѣнія на томъ основаніи, что это—институтъ устарѣлый, доказывающій отсталость и некультурность русскаго крестьянства, не вѣрно въ томъ отношеніи, что жизнь народовъ складывается не по отвлеченнымъ, однообразнымъ для всѣхъ историческимъ формуламъ, а согласно характеру того или другаго народа и условіямъ времени и мѣста. Одинъ народъ при самыхъ передовыхъ экономическихъ формахъ жизни закоснѣлъ и не проявляетъ ни самостоятельности, ни изобрѣтательности, другой, придерживаясь старинныхъ преданій и обычаевъ, сумѣлъ приспособить ихъ къ современнымъ требованіямъ и будетъ черпать въ своемъ прошлѣ только больше силъ для своего дальнѣйшаго развитія.

Болѣе близкое ознакомленіе съ внутренней жизнью русскаго народа докажетъ, что въ каждой отдѣльной мѣстности Россіи найдутся селенія, гдѣ общинное землевладѣніе не только не повело къ упадку личности, но, напротивъ, созданная имъ общность дѣйствій вызвала къ жизни болѣе сильныя проявленія личной инициативы болѣе передовыхъ хозяевъ и содѣйствовала широкому распространенію вводимыхъ ими улучшеній.

Отсталость русскаго крестьянскаго хозяйства зависитъ: отъ некультурности вообще жизненнаго строя Россіи, а не отъ формы землевладѣнія; отъ неосвѣдомленности крестьянскаго населенія относительно усовершенствованій по сельскохозяйственной техники; отъ загражденія для русскихъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ мировыхъ рынковъ цѣлой стѣной посредниковъ и неустойчивомъ торговліи и путей сообщенія

и вслѣдствіе того отсутствія вѣрной расцѣнки качества товара и выгоднаго сбыта—главнаго условія развитія производства.

Общинное землевладѣніе внесло въ народную жизнь начало общности дѣйствія, проявляющуюся во всѣхъ ея фазахъ. Въ отхожихъ промыслахъ, въ торговлѣ, въ ремеслахъ—она выразилась устройствомъ артелей и землячествъ; въ войскахъ—въ ротномъ хозяйствѣ; при заселеніи Закавказья, Сибири, Закаспійской области—перенесеніемъ на новую почву того же жизненнаго общиннаго и общественнаго начала, но примѣненнаго къ новымъ условіямъ.

Отречься отъ принципа общиннаго землевладѣнія то же, что отречься отъ своего историческаго русскаго прошлаго.

Русскій народъ, по присущимъ ему здравому смыслу и способностямъ, сумѣетъ притянуть самъ собою безъ вѣшняго давленія, но при необходимомъ государственномъ содѣйствіи, начало общиннаго землевладѣнія къ требованіямъ и условіямъ современной жизни.

Наконецъ, Россія достаточно велика и въ ней достаточно земельныхъ пространствъ, чтобы, наряду съ общиннымъ землевладѣніемъ, имѣть и многочленное подворное мелкое землевладѣніе для тѣхъ домохозяевъ, которые бы не хотѣли подчиниться общинному строю.

Значеніе общиннаго землевладѣнія сводится къ четыремъ главнымъ положеніямъ:

1) При общинномъ землевладѣніи осуществляется наиболѣе полно идея самоуправленія мелкихъ общественныхъ группъ, причемъ пользованіе землей опредѣляется сложившимися въ самомъ населеніи положеніями въ видѣ обычаевъ и преданій. Врядъ ли законы, издаваемые сверху, на которыхъ отразились бы юридическіе взгляды, взятые изъ другихъ сферъ, могли бы вполнѣ удовлетворить русское крестьянское населеніе.

2) Общинное землевладѣніе сохраняетъ за извѣстной группой лицъ, связанныхъ между собою общностью происхожденія, неотчуждаемое право владѣнія извѣстными участкомъ земли, безъ опасенія вторженія въ нихъ среду нежелательныхъ, чуждыхъ или элементовъ. Въ сферу крестьянскаго землевладѣнія принципъ общиннаго землевладѣнія вноситъ то же начало закрѣпленія земли за извѣстными родами, какое наше законодательство стремится обезпечить за дворянскимъ родовымъ землевладѣніемъ.

3) Общинное землевладѣніе упорядочиваетъ совмѣстное пользованіе угодьями, имѣющими общественный характеръ, и распределеніе которыхъ подворно при мелкомъ землевладѣніи представляло бы много неудобствъ и вызвало бы лишніе расходи.

4) Общинное землевладѣніе воспитало населеніе въ духѣ общности дѣйствія и совмѣстнаго обсужденія своихъ интересовъ. Большинство упрековъ, обращаемыхъ къ общинному землевладѣнію, объясняется на дѣлѣ тѣмъ, что сельскохозяйствен-

ной общинной организации были навязаны вилою чуждым ей фискальным и полицейским обязанностям, вводившим в ее внутренний строй полный разлад. Благодаря тому, что государственные и местные повинности часто превышали доходность земли, владение ею во многих местностях России было не правом, а тяготой, под влиянием которой крестьянские выборы представители обращались изъ радителей об общем благосостоянии въ сборщиков податей и обезличенных органов полицейской власти.

Когда будет проведено в жизнь начало, что владение землей есть право, что землевладелец-крестьянин не должен платить за свою землю больше того, чѣм сколько она дает дохода, тогда круговая порука сдѣлается излишней, а при выдѣленіи изъ обязанностей старшин и старост исполненія полицейскихъ функций возстановится ихъ естественное значение—руководителей и блюстителей по сельскому хозяйству.

Правильная оцѣнка общиннаго землевладѣнія съ сельскохозяйственной точки зрѣнія можетъ быть только при селѣніяхъ, имѣющихъ не болѣе 40 дворовъ. 40 дворовъ, обладающихъ прихвѣрно 400 дес. земли,—крайній предѣлъ выгоднаго исползованія земельного участка въ виду нечрезмѣрной удаленности пахотной земли отъ усадьбы; сельскій сходъ въ составѣ 40 домохозяевъ представляетъ изъ себя тоже наибольшее число сходящихся для разумаго и толковаго обсужденія условий общаго землепользованія.

Сама жизнь указываетъ на эти ограниченія разнѣровъ общиннаго строя, такъ какъ, оставая въ сторонѣ громадные селенія въ нѣсколько тысячъ душъ, гдѣ землепользованіе имѣетъ уже совсѣмъ особенный характеръ, ничего общаго съ общиннымъ строемъ не выходя, въ большинствѣ селеній, въ сотню и болѣе дворовъ, фактически и земля и домохозяева распределяются на нѣсколько совершенно самостоятельныхъ обществъ, въ выдачу удобства землепользованія и обсужденія общихъ вопросовъ.

Слѣдуетъ признать весьма важной государственной задачей: 1) узаконить за большинствомъ селеній, утратившимъ характеръ сельскихъ обществъ, городское или мѣстечковое положеніе; 2) узаконить существующія фактически подраздѣленія разныхъ крупныхъ селеній на мелкія общества; 3) оказать широкое содѣйствіе расселенію многолюдныхъ и многоземельныхъ селеній на поселки не болѣе 40 дворовъ въ каждомъ. При этихъ условіяхъ возможно будетъ высказаться о значеніи общиннаго землевладѣнія для русскаго крестьянства.

Сторонники подворнаго землевладѣнія ссылаются на примѣры Западной Европы и въ Россіи—на нѣмецкихъ колонистовъ и мѣстности, гдѣ преобладаетъ подворное землевладѣніе въ доказательство преимуществъ его передъ общиннымъ.

Въ Западной Европѣ сельскохозяйственная промышленность достигла высокой степени совершенства не благодаря той или другой формѣ землевладѣнія, а въслѣдствіе хорошей организации торговли и передвиженія сельскохозяйственныхъ продуктовъ и широкаго распространенія практическихъ сельскохозяйственныхъ знаній.

Въ Англіи, гдѣ сельскохозяйственная техника стоитъ выше, чѣмъ въ какой-нибудь другой странѣ, мелкаго землевладѣнія совсѣмъ нѣтъ. Англіискій фермеръ—капиталистъ, самъ не работающій въ полѣ, а управляющій предпріятіемъ; типъ же землевладельца-работника (юманъ) почти исчезъ. Въ Германіи и во Франціи тоже только меньшая часть населенія обезпечена землей.

Въ Россіи же землевладѣніе должно не только давать выгодный промышленный оборотъ, но и служить обезпеченіемъ для громадной массы населенія.

Относительно нѣмецкихъ колонистовъ въ Россіи—легенда о ихъ культурности и умѣнн обращать съ землей исчезла съ тѣхъ поръ, какъ они были поставлены на общій уровень съ остальнымъ населеніемъ Россіи по улагу и отбыванію повинностей. Въ Самарской губерніи въ неурожайный годъ колонисты бѣдствовали болѣе русскихъ поселенцевъ; въ Воро-

нежской губерніи колонисты, купившіе землевладѣльческія земли, оказались на низшемъ уровнѣ по умѣнн обращаться съ землей и по обработкѣ ея, чѣмъ мѣстное малороссійское населеніе.

Точно также нельзя признать, чтобы подворное русское крестьянство чѣмъ-либо выдвигалось при сравненіи съ общиннымъ. Въ Воронежской губерніи есть цѣлая волость, выкупившаяся въ началѣ XIX вѣка и владѣющая землей подворными участками; положеніе ихъ въ сельскохозяйственной отношеніи ничѣмъ не отличается отъ общиннаго землевладѣнія.

Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ русское крестьянство имѣло возможность ознакомиться съ новѣйшими усовершенствованіями и, самое главное, гдѣ оно находило выгодный сбытъ для болѣе цѣнныхъ своихъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ, оно проявило такую предприимчивость, энергію, умѣнн приспособиться къ условіямъ производства и къ требованіямъ рынка, которыми положительно опровергаются всѣ взводимыя на него, такъ и на выработанную имъ форму землевладѣнія, обвиненія. Какъ на доводъ противъ общиннаго землевладѣнія, указывается на большую урожайность земель частновладѣльческихъ, но если изслѣдовать вопросъ болѣе внимательно, то окажется, что крестьяне, арендующіе вышереченныя помѣщичьи земли, получаютъ урожай не меньшій и что большая урожайность помѣщичьихъ земель зависитъ отъ меньшей ихъ выхожанности, или же отъ особенныхъ условій, создаваемыхъ сельскохозяйственными техническими производственными, доступностью для крупнаго землевладѣнія техники и спеціализованъ и большимъ свободнымъ капиталомъ.

Тамъ же, гдѣ частный землевладелецъ по культурности и по оборотнымъ средствамъ находится въ одинаковыхъ условіяхъ съ крестьянами-общественниками—хозяйство его нѣдосится не въ лучшемъ, а, пожалуй, еще и въ худшемъ состояніи.

Если бы было даже рѣшено отдать предпочтеніе подворному землевладѣнію передъ общиннымъ, то подобный переходъ при современномъ положеніи Россіи былъ бы невозможенъ.

Во вопросахъ, касающихся самыхъ насущныхъ интересовъ населенія, недостаточно паданія законоположеній, ибо, какъ это доказали законы о семейныхъ раздѣлахъ и о передѣлахъ, въ случаѣ несогласія ихъ съ народными взглядами, они остаются безъ осуществленія. Въ массѣ же русскаго земледѣльческаго крестьянства сознаніе значенія общиннаго землевладѣнія болѣе твердо, чѣмъ когда-либо. За подворное землевладѣніе стоятъ или разбогатѣвшіе крестьяне, порваніе связь съ селомъ и желающіе вырѣзать себѣ лучший участокъ земли, съ тѣмъ, чтобы на немъ устроить торговлю и нажитые за счетъ односельчанъ, или отбывшіеся отъ земли мастеровые и фабричные, желающіе отдѣлаться отъ круголой поруки.

Не меньшимъ препятствіемъ къ переходу къ подворному землевладѣнію является отсутствіе сельской полиціи и недостатокъ судебнаго-административныхъ органовъ. При упраздненіи автономной юрисдикціи сельскихъ сходовъ и общественнаго начала, созданнаго общиннымъ землевладѣніемъ, поборы, поруки, нарушенія правъ частной собственности увеличатся количественно, а затѣмъ—и количество жалобъ и исковъ.

Далѣе, подворное землевладѣніе имѣетъ значеніе только при расселеніи домохозяевъ на отдѣльные подворные участки. Подобное расселеніе, въ виду безводія южной половины Россіи и заболоченности и некультурности сѣверной, возможно только при крупныхъ первоначальныхъ затратахъ, непосильныхъ массѣ крестьянскаго населенія.

Выводъ изъ всего изложеннаго: 1) что отсталость крестьянскаго сельскаго хозяйства въ Россіи зависитъ не отъ общиннаго землевладѣнія, а отъ общаго неустройства сельской жизни, отъ малаго распространенія практическихъ сельскохозяйственныхъ знаній въ народной массѣ, отъ отсутствія выгоднаго сбыта; 2) что отъ этихъ причинъ страдаетъ не одно

только мелкое землевладение, но и все сельское хозяйство России, и 3) что при общинном землевладении для усовершенствования сельского хозяйства со стороны государства требуется гораздо меньше содействия и меньше средств, чем если бы пришлось иметь дело с подворным землевладением.

Общее содействие государству сельскому хозяйству может быть подведено под три заглавия: *усовершенствование производства; торговля сельскохозяйственными продуктами; распространение практических знаний по сельскому хозяйству.*

Но, кроме общего содействия сельскому хозяйству, крестьянское землевладение требует и специального государственного содействия в виду того соображения, что единичным хозяевам мелкого землевладения непосильно воспользоваться услугами ученого специалиста или произвести работы, являющиеся общим характером для целой местности.

Относительно мелкого землевладения обязанность государства—изучить нужды, прислать средства из государственного или местного бюджета и организовать и выполнить необходимые мероприятия. Насущные нужды крестьянского землевладения, требующие государственного содействия, могут быть подведены под следующие заголовки: *сельское благоустройство и сельскохозяйственные усовершенствования.*

Сельское благоустройство распределяется на следующие подразделы:

- 1) размежевание и отграничение земель отдельных сельских обществ;
- 2) упорядочение сельских сходок и сельских управлений;
- 3) отмена круговой поруки;
- 4) организация ипотечного кредита;
- 5) преобразование сельской полиции;
- 6) издание свода действующих обычаев по пользованию общественными землями в виде положений для отдельных местностей.

В пояснение к перечисленным пунктам следует добавить следующее:

По размежеванию и отграничению земель отдельных сельских обществ.

Хотя в настоящее время на все селения выданы данные и планы, но самое незначительное количество отграничено межевыми знаками, что возбуждает особенно много недоразумений, когда граница идет по живому урочищу; за охранением существующих межевых знаков никто не наблюдает и потому там, где таковые даже были поставлены, они весьма скоро исчезают; много случаев, где несколько селений владели по одному плану и одной данной; многие многолюдные селения, хотя и владели землей по одной данной, фактически разделились на несколько самостоятельных обществ.

Необходимо государственное обмежевание, установка и охранение межевых знаков на крестьянских землях, разделение и разграничение земель поселенно, а где многолюдные селения—по более мелким обществам.

Не менее необходимо расселение многолюдных и многоземельных селений из сел в хутора и деревни и переселение на новые земли; для селений малоземельных—переселение на купленные по соседству участки.

Для всех перечисленных мероприятий требуется широкая государственная помощь.

На обмежевание потребуется не менее 15 миллионов рублей, считая по 10 коп. на десятину надельной земли и предполагая, что рабочие и материалы будут доставляемы населением бесплатно.

На расселение многолюдных и многоземельных селений потребуется не менее 150 рублей на двор на перенесение построек и, кроме того, в том же размере на крупные затраты на общее обводнение целых местностей, на рытье

колодезь, устройство запруд, осушение болот, расчистку земли из-под поросли. Приблизительно можно считать, что следует расселить не менее $\frac{1}{10}$ общего числа крестьянских дворов и что на каждый двор потребуется не менее 300 рублей;—всего на миллион дворов около трехсот миллионов рублей на всю Россию. Конечно, расход этот не единовременный—сначала самое небольшое число дворов из крестьян согласится на расселение, и потому пяти миллионов рублей в год будет достаточно; наконец, расход этот не безвозвратный; он может быть производим в виде ипотечной ссуды, уплата по которой была бы разложена на селение, из которого выселяются, на новоселов и отчасти только на счет государственного казначейства.

Переселение на новые земли с каждым годом упрощается в виду возрастающих цен на земли и окончания срока выкупа надельных земель. Не следует поощрять переселения целых дворов, а содействовать переселению из каждого двора избытка молодого поколения, только что берущегося за землю. При этом условии между староселами и новоселами сохранится живая семейная связь, и двор, оставшийся на месте, будет помогать новоселу, переселившемуся на новые земли, и выселение не будет иметь характера разорения старой осидлости; за выход из селения общество должно вознаграждать выселяющегося по ценности той доли земли, от которой выходящий отказывается; причем выплата обществом или отдельным двором выходных денег переселяющемуся должна быть обеспечена организацией ипотечного кредита, обеспеченного общинной землей. Принимая весьма небольшой размер общинной земли на душу в одну десятину—при цене на землю, достигающей в настоящее время 200 и 300 рублей, которая скоро будет общей для всей России—переселяющиеся легко получат от сельского общества от 200—300 рублей на выход; при некотором государственном содействии в виде единовременной помощи для малоземельных крестьян, при устройстве ипотечного кредита для переселенцев на новых землях осидлости—они могут располагать суммой денег от 500 и до 1,000 рублей на двор—условия, при которых переселение каждого двора можно признать вполне обеспеченным.

Упорядочение сельских сходок и сельских управлений.

Для правильного ведения сельского хозяйства на общинных землях необходимо упорядочение сельских сходок: а) установить определенные сроки их созыва; на самом деле, сельские сходки и в настоящее время приурочены к определенным временам года в зависимости от различных сельскохозяйственных соображений—посева, сноса и т. д. Случайные же сельские сходки собираются в большинстве случаев или в целых, не имеющих ничего общего с настоящими интересами сельского общества, или с тем, чтобы провести какой-либо приговор, на котором желательно присутствие одного или целой группы домохозяев всего состава общества. Определением точных сроков установится возможность каждому домохозяину принять участие в сходке и знать наперед, о чем будет речь. Не мало случаев, где продавались ценные лесные участки или сдавались общественные земли—случайными сходками по условиям, весьма невыгодным для сельского общества; б) от участия в сельских сходках должны быть исключены крестьяне, не ведущие своего хозяйства или опороченные по суду; в) сельскому обществу должно быть предоставлено право лишать отдельных домохозяев голоса на сходке.

Отмена круговой поруки.

Должен быть установлен принцип, что владение землей есть право, а не обязательство. В видах осуществления этого принципа во всех случаях, где доходность земли не соответствует размеру общих и местных повинностей, повинности эти должны быть понижены.

Разъ что повинности, лежащія на землѣ, не будутъ превышать ея доходности—не будетъ препятствій къ отбѣгъ круговой поруки и раскладкѣ повинностей по подворнымъ участкамъ, такъ какъ уплата ихъ будетъ обезпечена не цѣпностью самой земли, не личнымъ трудомъ домохозяина, а доходностью его участка, и для выплаты недоимки за одинъ годъ достаточно будетъ продать часть урожая.

При этомъ условіи будетъ обезпеченъ выходъ изъ состава сельского общества нежелательныхъ элементовъ; введеніемъ ипотечнаго кредита будетъ доставлена возможность обществу исключать изъ своего состава нежелательныхъ домохозяевъ выплатой имъ цѣности ихъ доли въ общественной землѣ; обезпечится и выходъ на сторону домохозяевъ, порвавшихъ связь съ обществомъ и желающихъ жить самостоятельно.

Организація ипотечнаго кредита.

Серьезными неудобствами общиннаго землевладѣнія признается стремленіе постоянно уравнивать качество земельныхъ участковъ, находящихся во владѣніи отдѣльныхъ домохозяевъ. Уравниваніе это выражается дѣленіемъ земли на мелкія полосы и частыми общими передѣлами. Законодательство старалось бороться съ передѣлами ограниченіемъ права сельскихъ обществъ ихъ производить; но подобная мѣра, не проникающая въ суть дѣла и стремящаяся разрѣшить ихъ формально, не дадутъ полезныхъ результатовъ.

Пока будетъ существовать круговая порука, необходимость обезпеченія повинностей всегда будетъ вызывать со стороны сельского общества стремленіе къ уравниванію платежной способности своихъ членовъ, такъ какъ вопросъ не въ улучшеніи землепользованія, а лишь бы оплатить повинности.

Дѣленіе на полосы и частые передѣлы могутъ быть устранены организаціей ипотечнаго кредита, причемъ уравниваніе участковъ земли, доставшихся отдѣльнымъ домохозяевамъ, производилось бы не по качеству ея—натурой, а денежнымъ вознагражденіемъ со стороны домохозяина, получившаго лучшей участокъ—въ видѣ уплаты извѣстнаго вознагражденія всему обществу или домохозяину, получившему худшій участокъ.

Преобразование сельской полиціи.

Сельская полиція должна быть преобразована въ видѣ огражденія правъ мелкой земельной собственности. Въ настоящее время потревы покосныхъ участковъ, побию хлѣбовъ, кража члѣнчиковъ, садовыхъ плодовъ въ селеніяхъ между крестьянами въ большинствѣ случаевъ проходятъ безъ всякаго наказанія. Въ силу такого порядка вещей въ деревнѣ невозможно завести отдѣльному домохозяину какое-либо нововведеніе даже на своей усадьбѣ, не говоря объ улучшеніяхъ на полевой землѣ.

Изданіе свода дѣйствующихъ обычаевъ по положенію общественной земель въ видѣ положеній для отдѣльныхъ мѣстностей.

Дѣйствующее въ настоящее время по крестьянскому землевладѣнію обычное право теряетъ свое значеніе какъ въ силу перемены жизненныхъ условій самого сельского населенія, такъ и широкаго произвола при толкованіи его въ апелляціонныхъ и кассационныхъ инстанціяхъ.

Необходимо издать сводъ сохранившихся свою жизненную силу обычаевъ въ видѣ мѣстныхъ положеній по главнымъ географическимъ дѣленіямъ населенія Россіи.

Сельскохозяйственные усовершенствованія.

Малая производительность крестьянскаго землевладѣнія обуславливается не той или другой его формой, а трудностью для мелкаго землевладѣнія вообще ознакомиться и примѣнить у себя усовершенствованія, требующія капитальныхъ затратъ и услугъ дорого стоящихъ специалистовъ. Въ Англіи эти затраты и оплата специалистовъ производились богатыми земле-

владѣльцами, въ другихъ странахъ—частію правительствомъ, частію капиталистами и представителями крупнаго землевладѣнія. Въ Россіи, гдѣ крупное землевладѣніе тонетъ въ морѣ крестьянскаго землевладѣнія, гдѣ встрѣчаются площади въ сотни тысячъ десятинъ земли, обнимающія цѣлые уѣзды и губерніи, безъ одного помѣщика,—обязанность руководить и содѣйствовать развитію сельского хозяйства мелкаго землевладѣнія всецѣло должна лечь на государственную организацію въ различныхъ органахъ: центрального правительства, мѣстныхъ правительственныхъ и земскихъ.

Необходимо, чтобы государственная помощь сельскому хозяйству крестьянскаго землевладѣнія была бы облечена въ строгую систематическую организацію, охватывающую всю страну и равномерно распределяющую на всѣ ея части. Участіе въ этомъ дѣлѣ отдѣльныхъ Министерствъ, губернскихъ и уѣздныхъ правительственныхъ и земскихъ учреждений должно быть точно определено. Точно такъ же, какъ и въ дѣлѣ медицинскомъ,—гдѣ центральное правительство руководитъ общему дѣятельностью всѣхъ мѣстныхъ органовъ, предъявляетъ опредѣленные требованія къ отдѣльнымъ медицинскимъ учреждениямъ, устанавливаетъ обязательность извѣстнаго количества таковыхъ въ уѣздѣ,—также и относительно содѣйствія сельскому хозяйству настало время, чтобы Министерство Земледѣлія выработало типъ и провело обязательность въ каждомъ уѣздѣ извѣстныхъ сельскохозяйственныхъ учреждений и извѣстнаго сельскохозяйственнаго персонала для руководства и содѣйствія мелкому землевладѣнію.

Организація содѣйствія по сельскому хозяйству мелкому землевладѣнію въ уѣздѣ должна имѣть въ виду слѣдующія задачи: а) содѣйствіе упорядоченію распредѣленія земель въ дѣлѣ каждого селенія по угольямъ и по домохозяевамъ—учрежденіемъ должности уѣзднаго землеустроителя; б) содѣйствіе лѣсоохраненію и лѣсоразведенію на крестьянскихъ земляхъ—учрежденіемъ должности уѣзднаго лѣсничаго; в) содѣйствіе осушенію болотъ и низкихъ мѣстъ, регулированію проточныхъ водъ, устройству заирудъ, рытью колодезевъ—организаціей штата гидротехниковъ; г) устройство складовъ сѣмянъ, сельскохозяйственныхъ орудій, питомниковъ плодовыхъ деревьевъ.

Кромѣ поименованныхъ мѣропріятій, имѣющихъ характеръ болѣе частный для отдѣльныхъ селеній, государство должно взять на себя всецѣло выполненіе общихъ для цѣлой мѣстности мѣропріятій, какъ, напиримѣръ, обводненіе бассейна цѣлой рѣчной системы, облѣсеніе цѣлой защитной полосы отъ восточныхъ суховѣевъ и т. д.

Перечисляя спеціальныя задачи содѣйствія государства сельскому хозяйству мелкаго землевладѣнія, само собою подразумѣвается, что выполненіе всѣхъ этихъ задачъ должно быть соединено въ одну организацію подъ общимъ руководствомъ института губернскихъ и уѣздныхъ агрономовъ, которые, не представляя собою специалистовъ по каждой отдѣльной части въ силу обще-агрономическаго образованія, могли бы являться руководителями всего дѣла.

Изъ практики правительственныхъ и земскихъ начинаній выяснилось, что при наличности, казалось бы, всѣхъ условій для усовершенствованія сельского хозяйства, а именно, и агрономическаго института, и склада сѣмянъ и машинъ, и устныхъ и письменныхъ сообщеній населенію возможныхъ усовершенствованій, дѣло не двигалось впередъ, а рядомъ съ этимъ безъ всякой особенной организаціи совершенно неожиданно происходило массовое распространеніе того или иного улучшенія. Такимъ образомъ, распространились лоботрѣбкіи, плуги, молотилки и сѣялки въ южной половинѣ Россіи, производство сливочнаго масла въ Сибирѣ и т. д. Изъ этихъ примѣровъ выяснилось, что для осуществленія сельскохозяйственныхъ усовершенствованій въ массѣ земледѣльческаго населенія не хватало между агрономами и специалистами еще одного звена, а именно: инструкторовъ изъ крестьянской же

среды, которые могли бы практически выработать приемы и значение того или другого нововведения. Насколько необходимо в военном деле хороший состав унтер-офицеров, настолько же в сельском хозяйстве необходим многочисленный персонал мастеров по разным отраслям сельского хозяйства. Эти мастера, чтобы быть инструкторами, не нуждаются ни в общем образовании, ни в общих познаниях, но должны пройти через полное практическое обучение по избранной специальности. Маслосады, проработавшие в благоустроенной маслосадовой года два, огородники из Ростова, садовники, проработавшие года три в плодовых садоводствах, поставленном на промышленную ногу—вот люди, которые, распространенные по всей России, всего скорее двинут крестьянское хозяйство на путь совершенствования. Подобных инструкторов потребуются тысячи: откуда их взять? Для подготовки их не нужно задаваться разрешением вопросов об объеме сельскохозяйственного образования, отнимающем практическое осуществление его на десятки лет. Ни одна сельскохозяйственная школа, ни средняя, ни низшая—не дала еще ни одного инструктора. Нужно их искать и подготавливать там, где та или другая отрасль сельского хозяйства уже процветает. Для оленеводства нужно брать инструкторов из Ростовых, для овцеводства—из Россоней; для молочного скотоводства и маслосады—из Ярославской, Вологодской губерний и в Западной Сибири, для коневодства—из Воронежской и Тамбовской губерний, для скотоводства вообще—из Тверской губернии из местностей, где существуют пастушья и коновальная отхожие промыслы, для птицеводства—из Сагунах, для хлебопечения—из Богородского уезда Московской губернии, для сельскохозяйственного машиностроения—из Саловского уезда, для посевов промышленных растений—из Воронежской губернии, для земляных работ по осушению и по обводнению—из Витебской губернии, для орошения—из местностей на юге России, где население этим занимается. Но для того, чтобы быть уверенным в успехе—нужно в каждой из означенных местностей иметь ученого специалиста по данному делу, который мог бы организовать и подготовку инструкторов, и проверку их знаний. В местностях, где будут готовиться инструктора по огородничеству или плодородству, должны быть устроены образцовые питомники для демонстрации усовершенствований по тому или другому делу; там, где вопрос касается животноводства, должны быть устроены опытные станции и ветеринарные музеи для наглядной демонстрации болезней на скот, его лечения, способов откорма скота, ухода за ним, переработки молочных сливок и т. д.

По возможности обучение это должно производиться зимой, но где нужно—и летом. Выдержавшие удовлетворительно практический экзамен должны получить денежные награды и аттестаты. Несомненно, что, если подобные инструктора хорошо себя зарекомендуют, то они легко будут получать вознаграждение гораздо больше, чем то, какое они получают теперь, как обыкновенные огородники, пастухи, коновалы, садовники и т. д.

Всякий, кому приходилось близко стоять к сельскому населению, кто привык с ним объясняться и терпеливо выслушивать его заявления, кто сумел приобрести его доверие, подтвердит, что сознание необходимости улучшения приемов ведения сельского хозяйства давно назрело. Крестьяне ходят в потемках, ищут чтобы сделать, чтобы увеличить производительность их труда и урожайность их земли, и все что им предлагают, является в их виде непереваренного материала, взятого из переводных иностранных книг, вполне непригодного к русским условиям. Понятно, что от этих предложений крестьяне по здравому своему смыслу отказываются; те немногие, которые долготерпелив опытом и после дала ряда неудач находят, наконец, себя вы-

ходя—редкое исключение¹⁾. Только путем изучения прогрессивных течений в сельском хозяйстве России и широким содействием им можно достигнуть решительного поворота его по пути к усовершенствованиям.

На осуществление всего изложенного в настоящей записке потребуются крупные суммы—не один десяток миллионов рублей, но при этом следует помнить, что имеется в виду поднять благосостояние больше чем одиннадцати миллионов дворов—по рублю на двор составят уже одиннадцать миллионов рублей, и, кроме того, что содействие будет оказано именно той части населения, на производительности которой зиждется весь государственный бюджет. Удачно примененный на увеличение народного благосостояния рубль увеличит производительность его на десять рублей, которые будут употреблены на приобретение необходимых предметов продовольствия или вообще домашнего обихода, и с которых издержанный рубль вернется с избытком в государственное казначейство в виде косвенных налогов.

Общие выводы:

- 1) Общинное землевладение в том виде, как оно существует в России, есть исторически развившийся, самобытный, чисто русский институт, вполне приспособленный к условиям времени, места и различным видам народной жизни.
- 2) Превосходство западно-европейского личного землевладения есть послыствие не формы землевладения, а высшей общей культуры.
- 3) В России не доказано преимущества подвального землевладения.
- 4) Переход к подворному землевладению немалым в виду некультурности общего строя.
- 5) При государственном содействии мелкому землевладению возможно усовершенствование сельского хозяйства, причем принцип общинного землевладения при упорядочении землепользования явится для того выгодным условием.
- 6) Государственное содействие должно выразиться в организации сельского благоустройства и в содействии увеличению производительности мелкого землевладения путем земельных мелиораций.

Соображения по поводу записки департамента земледелия: «О мерах к улучшению организации крестьянского хозяйства».

Великая освободительная реформа вызвала к жизни новый элемент в гражданской и хозяйственной области нашей великой державы—тот элемент, который носит название крестьянства и представляется многомиллионной массой крестьянских хозяйств. Дореформенное время знало только вотчинный хозяйств, выраженный в той или другой форме, а крепостное крестьянство играло в этих хозяйствах роль простого орудия производства, за исключением некоторых районов Империи, о которых я упомяну ниже. Но, вызывая к жизни крестьянские хозяйства, государство не могло организовать их; для этого необходимо было или менее значительное время и притом эта организация не может быть произведена искусственно, а должна быть результатом самодеятельности самих хозяйств, результатом их собственной энергии. И действительно, мы присутствуем ныне при

¹⁾ При этом нельзя не обратить внимания на то обстоятельство, что при усовершенствовании сельского хозяйства класс мироздков и кулаков мог бы преобразоваться в весьма полезных инициаторов и руководителей нового направления в виду развитых у них предприимчивости и энергии.

этомъ процессѣ организаціи нашего крестьянства, хотя нельзя не замѣтить, что подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ подавляющихъ условій процессъ этотъ затянулся чрезвычайно и отозвался крайне неблагоприятно на всемъ, по крайней мѣрѣ, великорусскомъ крестьянствѣ, какъ въ экономическомъ, такъ и въ другихъ отношеніяхъ. Поэтому я не думаю, чтобы одніа агрономическія причины могли объяснить упадокъ крестьянскихъ хозяйствъ. Несомнѣнно, энергія экономическаго субъекта выражается въ его агрономической дѣятельности какъ сельскаго хозяина, но самая эта энергія зависитъ отъ бытовыхъ и экономическимъ условій, въ которыхъ поставленъ хозяинъ и которыя могутъ подавлять или развивать его энергію.

Всѣ указанія записки департамента земледѣлія, свидѣтельствующія о весьма низкомъ агрономическомъ уровнѣ крестьянскихъ хозяйствъ, совершенно справедливы. Я только позволю себѣ замѣтить, что характеристики урожаевъ крестьянскихъ полей не совсемъ точны, и вообще величина урожаевъ не можетъ быть определена общими количественными получаемыми съ полей продуктовъ. Въ дѣйствительности разница между урожаями, получаемыми частными владѣльцами и крестьянами, громадна, если принять во вниманіе среднія максимальныя величины. Средній урожай ржи за десять лѣтъ, при посѣвѣ 8—9 мѣръ, давалъ на моихъ поляхъ 13—16 четвертей съ казенной десятины; средній же урожай на крестьянскихъ поляхъ, принадлежавшихъ къ моему мѣстному (Звенигородскаго уѣзда), на той же глинистой почвѣ при посѣвѣ 12—14 мѣръ, у добрыхъ пахарей давалъ 6—8 четвертей ¹⁾. И подобные высокіе урожаи на моихъ поляхъ были достигнуты не послѣ клеверница, а на старопашнѣ, благодаря болѣе глубокому паханію и сильному навозному удобренію и, конечно, хорошему качеству навоза хотя зимній коровъ моего молочнаго скота могъ быть названъ интенсивнымъ лишь относительно. Я привожу эти вполнѣ достовѣрные факты какъ указаніе на то, какой переворотъ въ крестьянскихъ хозяйствахъ можетъ произвестись улучшенная техника, увеличивъ урожаи полей вдвое.

Не подлежитъ сомнѣнію, что количество скота у крестьян въ районѣ трехполья недостаточно, и что этотъ недостатокъ обуславливается въ свою очередь недостаткомъ кормовъ. Однако, и это явленіе не слѣдуетъ обобщать. Въ подтвержденіе сослался на тѣ крестьянскія селенія, которыя или сами владѣютъ поемными лугами, или арендуютъ ихъ (напр., Москворѣцкій и Приокскій бассейны). Здѣсь о недостаткѣ кормовъ не можетъ быть и рѣчи, а между тѣмъ крестьяне этихъ районовъ также держатъ много скота, также плохо удобряютъ свои поля или не удобряютъ ихъ вовсе, цѣнное же сѣно продаютъ.

Такъ, мнѣ извѣстны весьма многія селенія Вронницкаго уѣзда, гдѣ крестьяне владѣютъ превосходными поемными лугами, составляющими болѣе трети всей ихъ кормовой площади, а между тѣмъ хозяйства этихъ крестьянъ почти ничемъ не отличаются отъ плохихъ хозяйствъ другихъ селеній уѣзда. То же самое могу сказать и о крестьянскихъ хозяйствахъ Приокскаго бассейна Рязанскаго уѣзда. И здѣсь крестьяне цѣлыми товариществами арендуютъ луга у помещиковъ и селеній, владѣющихъ превосходными поемными лугами, но свои пашни почти не удобряютъ, а сѣно продаютъ.

Жалкое состояніе трехпольныхъ крестьянскихъ хозяйствъ, описанное въ запискѣ департамента земледѣлія, вполнѣ соответствуетъ истинѣ, но нельзя не замѣтить, что несвоевременность всѣхъ крестьянскихъ работъ вовсе не зависитъ отъ свободорота или иныхъ агрономическихъ причинъ. Что же касается до упадка степныхъ хозяйствъ юга и юго-востока, то упадокъ этотъ былъ естественнымъ слѣдствіемъ осободительной реформы. Въ этой обширной области крестьянскія хозяйства представляли то исключеніе, о которомъ я упомянулъ выше. Крѣпостная связь крестьянъ съ вотчинниками была здѣсь

лишь формально легальная и податная; въ дѣйствительности же крестьяне жили и хозяйничали какъ свободные и опредѣляли свои отношенія къ землѣ тоже свободно на, такъ называемомъ, замочномъ правѣ; устраивая хуторскія или вообще настоящія подворныя хозяйства, ведя скотоводческое и переложное хозяйство, крестьяне въ полномъ смыслѣ слова процвѣтали. О благосостояніи крестьянъ юга можно судить по тому, что хуторяне владѣли стадами меринсовъ, о чемъ должно быть не безвѣстно департаменту земледѣлія. Уже члены редакціонныхъ комиссій были въ большинствѣ затруднены, проектируя величину надѣловъ для этой области; комиссій были предположены сравнительно громадные размѣры надѣловъ и частью приняты законодательная власть. Но, какъ бы велики эти надѣлы ни были, они не могли предотвратить упадокъ означенныхъ крестьянскихъ хозяйствъ, ибо причиной его были измѣнившіеся бытовые условія, которые еще до реформы привели къ ломкѣ хуторовъ на югѣ. Кромя того, многіе крестьяне (привольскихъ и завольскихъ селеній) перешли на, такъ называемый, дварственный или десятинный надѣлъ по причинамъ, которыя не зависѣли ни отъ правительства ни отъ вотчинниковъ.

Проведеніе желѣзныхъ дорогъ въ связи съ развитіемъ эксперта нашихъ хлѣбцовъ за границу помогло этимъ крестьянскимъ хозяйствамъ перейти къ зерновой культурѣ, но эта культура была основана на посѣвахъ яровой пшеницы (бѣлотурки) и получила значеніе азартной игры, приведшей большинство населенія къ почти полному разоренію. И здѣсь бытовые условія повели не къ постепенному переходу отъ залежныхъ формъ хозяйствъ къ высшимъ паровымъ формамъ, а къ безпорядочной и совершенно нерациональной культурѣ трехполья. Аналогичныя явленія мы можемъ наблюдать въ крестьянскихъ хозяйствахъ въ Сибири. Выходъ изъ описаннаго неблагоприятнаго положенія крестьянскихъ хозяйствъ записка департамента земледѣлія видитъ въ переходѣ ихъ отъ трехполья къ полевой культурѣ кормовыхъ растений, въ частности для нечерноземной полосы—въ травопольное хозяйство съ посѣвами клевера, а въ черноземной центральной—въ посѣвъ одиолѣтнихъ травъ (вика, югара, чечевица) и корнеплодныхъ, для Херсонской же губерніи—люцерны и эспарцета.

Не подлежитъ сомнѣнію, что для многихъ районовъ нечерноземной полосы Россіи вопросъ о травопольномъ хозяйствѣ назрѣлъ вполнѣ. Да едва ли возможно существованіе болѣе или менѣе толковаго частновладѣльческаго хозяйства въ этой полосѣ безъ посѣва клевера, а потому неудивительно, что травостѣianie получило въ этихъ хозяйствахъ самое широкое распространеніе. Сомнѣваться въ необходимости и плодотворности подобнаго перехода къ новой культурѣ полей отъ трехполья для крестьянскихъ хозяйствъ нѣтъ никакого основанія. Но тутъ возникаетъ одно непреодолимое препятствіе, которое заключается въ своеобразныхъ бытовыхъ условіяхъ, сохранившихся въ нашей деревнѣ, какъ традиціи вотчинно-крѣпостнаго порядка, а именно въ земельныхъ отношеніяхъ крестьянъ, извѣстныхъ подъ названіемъ «общиннаго землепользованія». Записка департамента земледѣлія касается этого предмета, но приходитъ къ заключенію, что приведенные ею примѣры массоваго развитія «общественнаго», по выраженію травостѣiania у крестьянъ доказываютъ, что съ этой стороны нельзя ждать какихъ-либо непреодолимыхъ препятствій, а, напротивъ, факты обнаруживаютъ, что общинное устройство должно скорѣе способствовать массовой пропагандѣ хозяйственныхъ улучшеній, привлекая къ нимъ цѣлыя селенія, въ полномъ составѣ. Съ этимъ мнѣніемъ записки я не могу согласиться и позволю себѣ замѣтить, что оно основано на недоразумѣніи.

Излагая исторію попытокъ крестьянъ сѣять клеверъ, записка департамента земледѣлія сама указываетъ на тѣ прямо непреодолимые затрудненія, которыя встрѣтили крестьяне, такъ-какъ посѣянный ими клеверъ попадалъ въ весьма разнообразныя и часто неблагоприятныя условія, и достовѣрные

¹⁾ Урожаи овса по атмосферическимъ условіямъ мѣстности были значительно ниже: средній урожай на моихъ поляхъ—самъ 8—9, а на крестьянскихъ поляхъ не выше самъ 3.

факты свидетельствуют, что часто вопли сложившиеся крестьянские травостяния, практиковавшееся много лѣтъ, приходило въ концѣ концовъ къ полному крушенію (напр., въ Камышскомъ у.). Вотъ почему выходомъ изъ этого положенія по удостовѣренію самой записки департамента земледѣлія, явился переходъ къ правильнымъ формамъ травостянія при непосредственномъ участіи земскихъ агрономическихъ организацій. Такихъ образцовъ, оказывается, что сами крестьяне не могли одолѣть встрѣченнаго затрудненія, и потребовалось авторитетное, соединенное съ матеріальнымъ содѣйствіемъ, воздѣйствіе земскихъ органовъ общественнаго управленія, которое въ глазахъ крестьянъ играетъ роль начальства. Извѣстно, что и въ дореформенное время вотчинное начальство въ лицѣ помѣщиковъ и казенныхъ управленій достигало тѣхъ же успѣховъ, вводя травостянія на поляхъ крестьянъ, но также извѣстно, что отъ этихъ дореформенныхъ затѣй ницъ не осталось и слѣда. Интересно, что болѣе или менѣе широкое распространеніе травостянія крестьянъ получило лишь въ черноземной полосѣ Россіи, въ черноземной же не зарегистрировано даже малѣйшихъ попытокъ крестьянскаго травостянія. Оно и понятно: въ черноземной полосѣ земли и земледѣліе далеко не играютъ той роли въ хозяйствѣ крестьянъ, какъ въ черноземной, гдѣ отъ земледѣлія зависитъ часто все существованіе крестьянскихъ семей—дворовъ, а потому въ первомъ случаѣ воздѣйствіе начальства на крестьянъ могло имѣть успѣхъ, а во второмъ—никакого. Но главное недоразумѣніе записки департамента земледѣлія заключается въ томъ, что крестьяне, приступившіе къ травостянію по плану, составленному земскими органами, не состоятъ въ общинномъ землепользованіи.

Самая неопредѣленность формы, такъ называемаго, «общиннаго землепользованія», какъ отжившей формы вотчинно-крѣпостного института, невольно приводитъ къ подобной ошибкѣ. Официально всѣ великорусскіе крестьяне признаются состоящими въ общинномъ землепользованіи, но въ дѣйствительности громадная масса крестьянъ бывшихъ помѣщичьихъ и часть государственныхъ въ великорусскихъ и другихъ губерніяхъ перешла къ той переходной формѣ земельныхъ отношеній, которая носитъ названіе общаго, подворно-наслѣдственнаго землевладѣнія, такъ-какъ означенные крестьяне остались при ревизской разверсткѣ земли и не производятъ передѣловъ, нѣме со дня послѣдней ревизіи, другіе—со дня освобожденія или выкупа, или выдачи владѣнныхъ актовъ. Прекратили передѣлы и всѣ крестьяне, перешедшіе къ организованному земству трехпольному хозяйству. Конечно, это обстоятельство отнюдь не гарантируетъ крестьянъ отъ возможности передѣла, но также мало гарантируетъ и прочность организованнаго земствомъ травостянія. Для подобнаго заключенія вполне достаточно апіорныхъ соображеній, и такъ-какъ этотъ вопросъ представляетъ величайшую важность и для правительственныхъ мѣропріятій, то я позволю себѣ войти въ нѣкоторыя подробности. Прежде всего необходимо себѣ разъяснить сущность общиннаго землепользованія и значеніе передѣловъ съ экономической точки зрѣнія.

Какого бы принципа ни придерживалась община при передѣлахъ, всегда одна часть дворовъ терять при передѣлѣ, а другая выигрываетъ. Спрашивается: насколько потеря однихъ соответствуетъ выигрышу другихъ? Если мы возьмемъ, напримеръ, 1,000 дворовъ съ ревизіонной разверсткой и сравнимъ существующее между ними распределеніе земли съ таковымъ же у 1,000 дворовъ съ наличной—по душамъ мужского пола, которая считается наиболѣе уравнилельной, то окажется, что почти 50% дворовъ, выигравшихъ при ревизской разверсткѣ, потеряли бы при наличной, и наоборотъ, выигравшіе при наличной разверсткѣ почти 50% дворовъ проигрывали бы при ревизской. Я полагаю, что для общества и государства совершенно безразлично, если Иванъ и Петръ стали владѣть большими участками, а Семенъ и Пахомъ меньшими, а потому весь вопросъ долженъ быть сведенъ къ тому, потеря

однихъ соответствуетъ ли выигрышу другихъ съ социально-экономической точки зрѣнія? И вотъ оказывается, что въ то время, когда, благодаря передѣлу, напримеръ, 129 дворовъ увеличили свои участки на 125%, 73 двора потеряли 65% своей земли, а потеря нѣкоторыхъ дворовъ достигала 90% ¹⁾.

Очевидно, такой результатъ никакъ нельзя назвать уравнилельнымъ, ибо потеря 65%—90% земельного пространства для всякаго хозяйства равносильна полному разоренію.

Пусть большинство дворовъ селенія увеличило свои земельные участки, но если подобное увеличеніе достигнуто за счетъ полнаго разоренія значительнаго и притомъ наиболѣе производительнаго меньшинства, то подобный процессъ долженъ быть признанъ убыточнымъ для всего русскаго крестьянства, оставшая совершенно въ сторонѣ вопросъ о справедливости и правотѣ такой системы землепользованія.

Съ введеніемъ травостянія указанными мною явленія могутъ только обостриться. Конечно, травостяніе имѣетъ въ виду усилить производительность хозяйства дворовъ. Увеличится количество жертваго и живого инвентаря, явятся новыя хозяйственные потребности и средства къ удовлетворенію ихъ, и вотъ при передѣлѣ, все это въ одинъ мигъ будетъ разрушено у значительнаго числа крестьянскихъ хозяйствъ, хотя бы и у меньшинства, но зато и у меньшинства наиболѣе производительнаго, умнаго, талантливаго и трудолюбиваго, составляющаго главную мощь крестьянства. Результатъ во всякомъ случаѣ плачевный! А что при такомъ результатѣ травостянія, рано или поздно, должно прекратить свое существованіе, едва-ли можетъ быть сомнѣніе. Итакъ, весьма серьезныя и вѣсныя соображенія заставляютъ меня признать, что правильно организованное крестьянское травостяніе несовмѣстимо съ общиннымъ землепользованіемъ.

Къ тому же приводитъ и тотъ фактъ, что при земской организаціи правоуладнаго хозяйства требуется установленіе принудительной обработки, т. е., такъ называемаго, Flurzwang'a.

Flurzwangъ господствовалъ всюду въ средневѣковыхъ вотчинно-крѣпостныхъ общинахъ; онъ господствуетъ и нынѣ въ нашихъ общинахъ, но онъ отсутствуетъ въ подворныхъ крестьянскихъ хозяйствахъ, напримеръ, хutorскихъ нашего юга и замочныхъ въ Сибири. Это ясно показываетъ, что Flurzwangъ—продуктъ крѣпостнаго права и совершенно несовмѣстимъ съ свободой земледѣльца. Насколько этотъ институтъ крѣпостнаго права вреденъ въ экономическомъ отношеніи,—я распространяться не буду. Ученая нѣмецкая литература разъяснила этотъ вопросъ съ полной основательностью ²⁾. Во всякомъ случаѣ, принудительная обработка поставитъ наши селенія въ такое положеніе, что никакое дальнѣйшее улучшеніе въ хозяйствѣ при ея существованіи не будетъ возможно, если правительство или земство не повоздѣйствуетъ вновь на общину; иначе говоря, крестьянское хозяйство обратится въ земское хозяйство или хозяйство правительственныхъ органовъ, а община будетъ играть роль исполнителя того, что задумаетъ хозяйнн-земство или хозяйнн-казенное управленіе. Такой порядокъ настолько противорѣчитъ основнымъ положеніямъ 19 февраля 1861 года и существу крестьянскаго хозяйства, что осуществленіе его въ дѣйствительности прямо невѣроятно.

Но и самая организація земствомъ крестьянскаго травостянія заключаетъ въ себѣ недостатки. Всѣ крестьянскія поля мелко вспаханы сохой (не болѣе 2½ в.), корни же клевера глубоко проникаютъ въ почву; сверхъ того, клеверъ развивается хорошо лишь на богатой, хорошо удобренной почвѣ, хотя не нуждается въ азотѣ. Поэтому травостянію должна предшествовать предварительная стадія полевой обра-

¹⁾ Здѣсь указываются только крайнія отношенія при той и другой формѣ передѣла. Взято девять селеній съ 2,195 дворами. Постлѣ передѣла по наличнымъ душамъ мужского пола оказалось слѣдующее (мы приводимъ итоги): у 1,130 дворовъ, или 51,4% всего числа семей, участки увеличились, а у 1,065 дворовъ, или 48,6% уменьшились.

²⁾ См. Knaus, Flurzwang in seinen Folgen etc.

ботки посредством введения плужной вспашки съ сильнымъ наземнымъ удобрениемъ. Многие крестьяне Московской губернии сами стали переходить къ плугу и къ лучшему удобрению своихъ полей, а потому для хозяйствъ этихъ крестьянъ травосѣяние будетъ своевременнымъ. Но за то у плохихъ пахарей клеверъ будетъ плохъ или пропадетъ, а между тѣмъ, въ силу принудительной обработки, они будутъ лишены возможности тѣхъ или иначе утилизировать свои поля, на которыхъ былъ посянъ пропавшій клеверъ. По свидетельству земскихъ агрономовъ, такъ именно и происходитъ дѣло въ действительности¹⁾; нѣхъ доклады изобилуютъ свѣдѣніями о пропажѣ клевера на поляхъ тѣхъ или другихъ селеній. Были случаи, что крестьяне вслѣдствіе пропажи клевера отступали отъ установленнаго правильнаго сѣвооборота. Записка департамента земледѣлія ссылается на то, что при общинномъ землепользованіи (т. е. въ сущности при системѣ принудительной обработки) все селение переходитъ къ травосѣянію сразу; за то, скажемъ мы, въ случаѣ неудачи, все селение сразу и прекращаетъ травосѣяние. Впрочемъ, замѣчу, что упоминаніе о всемъ селеніи въ этомъ случаѣ не совсѣмъ точно, такъ какъ безземельные, малоземельные и вообще слабоимущіе хозяева вовсе исключаются изъ травосѣянія, хотя обязаны подчиняться приговорахъ схода относительно пашбы и проч. въ интересахъ полеводства, въ которомъ они не участвуютъ и которое все-таки нарушаетъ ихъ собственные интересы: здѣсь большинство идетъ на жертву меньшинству, наиболѣе нуждающемуся. Наконецъ, общинное землепользованіе дѣлаетъ невозможнымъ устраненіе того зла, которое оно же принесло и приноситъ крестьянскимъ хозяйствамъ посредствомъ чрезмѣрности и дробности крестьянскихъ надѣловъ, на что указываетъ записка департамента земледѣлія. Къ сожалѣнію, записка ограничивается этимъ указаніемъ, предлагая противъ этого зла размежеваніе и полюбовный обмѣнъ земель, что при общинномъ землепользованіи невозможно, да и не приведетъ къ дѣлу. Между тѣмъ, это зло можетъ быть легко уничтожено лишь однимъ переходомъ къ подворно-наслѣдственной формѣ землевладѣнія, и какъ разъ при земской организаціи травосѣяныя крестьянскихъ хозяйствъ представлялись удобнымъ моментъ для подобнаго разверстанія.

Вообще, вопросъ о формѣ крестьянскаго землевладѣнія настолько тѣсно связанъ съ агрономическими и экономическими улучшеніями въ крестьянскомъ хозяйствѣ, что едва ли правительственнымъ мѣрпріятіямъ, нѣмлющимъ дѣлю послѣдствій, могутъ быть обсуждаемы съ должной обстоятельностью, безъ обсуждения и рѣшенія этого важнѣйшаго и капитальнаго вопроса, отъ котораго зависитъ вся судьба русскаго крестьянства. Поэтому я позволю себѣ войти въ обсужденіе этого вопроса, разумеется, въ предѣлахъ записки департамента земледѣлія, съ точки зрѣнія лишь агрономической и экономической. Какъ я уже замѣтилъ выше, общинное землепользованіе представляетъ форму земельныхъ отношеній нашихъ крестьянъ довольно неопредѣленную, такъ что даже земскіе статистики часто не рѣшаются положительно сказать, къ какой формѣ слѣдуетъ отнести землепользованіе даннаго селенія: къ подворно-наслѣдственной или общинной. Объясняется это тѣмъ, что всюду въ Россіи общинное землепользованіе разлагается, а, по мнѣнію защитниковъ общины, оно ищетъ болѣе совершенныя формы. Но дѣло въ томъ, что защитники общиннаго землепользованія при этомъ требуютъ со стороны правительства тѣхъ или другихъ принудительныхъ мѣръ противъ «искусственнаго» разрушенія общины, называя искусственнымъ всякое естественное явленіе, возникающее среди членовъ общины. Такихъ явленій было досрочный выкупъ надѣловъ согласно 165 ст. положенія о выкупѣ, отъѣны которой домогаются защитники общиннаго землепользованія.

Въ действительности же требованія защитниковъ общиннаго землепользованія относились не къ отъѣнѣ 165 ст., а —

самой выкупной операціи; въ сущности требовали, для предохраненія общиннаго крѣпостнаго института отъ «искусственнаго» разрушенія, отъѣны выкупа, т. е. всего положенія 19 февраля 1861 г., этого великаго акта Царя-Освободителя, которыми мы всѣ русскіе такъ гордились. Разбирать всю чудовищность этого требованія я не буду, но укажу на тѣ послѣдствія, которыя несомнѣнно наступили бы, если бы дѣйствительно выкупная операція не существовала, такъ какъ разъясненіе ихъ важно въ другихъ отношеніяхъ. Известно, что въ началѣ освобожденія началось бѣгство массы крестьянъ отъ земли, причемъ брошенные бѣглецами надѣлы нависали на оставшіхся при землѣ болѣе сильные и хозяйственные дворы. Съ прекращеніемъ временно-обязаннаго положенія и осуществленіемъ выкупной операціи, бѣглецы возвратились, потребовали свои надѣлы обратно и получили ихъ. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что не будь выкупа, громадная масса крестьянъ была бы окончательно обезземелена, ибо у правительства не было, да и не могло быть средствъ заставить бѣглецовъ возвратиться на свои надѣлы, и только выкупъ спасъ массу бѣглецовъ отъ полнаго обезземеленія. Если бы правительство даже уменьшило разкѣрь оброчной подати, крестьянинъ бы не возвратился бы въ свою деревню, а притерся бы или у помещика, или въ городѣ, такъ какъ во всякомъ случаѣ крестьянину было бы выгоднѣе освободиться отъ казеннаго оброка и жить на свободѣ; обратитъ же оброчный налогъ въ принудительную подать было немисливо. Итакъ, требующіе отъѣны выкупа не отдадутъ себѣ отчета въ томъ, чего они требуютъ.

Ст. 165 положенія о выкупѣ несомнѣнно могла послужить могучимъ средствомъ къ уничтоженію дробности и чрезмѣрности крестьянскихъ надѣловъ. Если она всягда рѣдко принималась съ этой дѣлю крестьянами, то только потому, что община, вслѣдствіе господства полнаго произвола въ нашей крестьянской деревнѣ, постоянно нарушала законъ, права и интересы выкупившихъ свои надѣлы. По свидетельству земскихъ статистическихъ сборниковъ, община отнимала выкупленные надѣлы, нависавала на выкупившихся чужія души, отводила ихъ въ надѣлѣ болото или другія неудобныя мѣста, прогоняла ихъ со всей семьей изъ усадьбы, хотя таковая выкуплена крестьянами давно. Все это понятно: влательное въ общественныхъ единицахъ развивается всегда сильнѣе, тѣмъ у отдѣльныхъ лицъ, особенно тогда, когда общества освобождены отъ всякаго контроля и отвѣтственности.

Къ сожалѣнію, записка департамента земледѣлія коснулась лишь сколько-нибудь важнаго вопроса нашей крестьянской деревни, давно назрѣваемаго; о разверстаніи и консолидаціи крестьянскихъ подворныхъ владѣній. Можетъ быть, для большинства селеній эта операція ограничится сведеніемъ полевыхъ угодій каждаго двора въ одинъ или два и даже три отруба, но для многихъ селеній такая операція не достигнетъ дѣла.

Вотчинно-крѣпостной порядокъ стремился къ образованію крупныхъ селеній, въ особенности въ черноземной центральной полостѣ, которая частью образовалась, частью развилась въ эпоху полнаго господства крѣпостнаго права. Еще недавно, передъ самымъ освобожденіемъ крестьянъ, шла неутомимая борьба общинныхъ порядковъ съ хуторскими на югѣ степной полосы, кончившаяся разореніемъ и уничтоженіемъ тысячъ хуторовъ. Между тѣмъ, въ настоящее время отдаленность полей служитъ непреодолимымъ препятствіемъ не только къ уважанію полей, но и къ рациональной ихъ обработкѣ, а уважаніе полей въ нашемъ черноземномъ центрѣ составляетъ первѣйшую и необходимѣйшую культурную мѣру, безъ которой дальнѣйшее развитіе здѣсь крестьянскихъ хозяйствъ невозможно. Многие полагаютъ, что навозъ невыгодно вывозитъ далѣе 3—4 версты; я позволю себѣ утверждать, что убыточно его вывозитъ даже за три версты. Между тѣмъ, въ болѣе или менѣе отдаленныхъ центрахъ отдаленныя поля и полосы отстоятъ иногда на 15 верстъ отъ селеній. Очень часто крестьяне владѣютъ надѣлами въ разныхъ поляхъ, че-

¹⁾ См. доклады агрономовъ въ агрономическихъ совѣщаніяхъ московскаго земства (экономическіе совѣты).

разположенных, и количество этих отдаленных участков значительно. Ясно, что только подворное расселение крестьянских дворов может здесь привести к желанному результату.

Против подворного расселения или, так называемого, хуторского хозяйства высказывается много возражений: трудность, дороговизна самой операции расселения, недостаток воды и проч. Не странно ли, что все эти возражения представляют те же, когда еще недавно подворное заселение составляло обычный способ колонизации наших степей юга, приволжского края и всей громадной территории Сибири, уже не говоря о древней России, которая вовсе не знала крупных селений. Если наши крестьяне еще недавно создавали в степях хутора и находили воду, то совершенно непонятно, почему они не найдут ее теперь. Все эти возражения показывают полное незнание возражающих с бытом нашей деревни. И сейчас многие наши селения лишены хорошей воды, у многих же ибывают колоды почти при всяком дворе. Селений, расположенных при речках и источниках весьма мало. Трудность и дороговизна подворных разверстаний не так уж велика, если крестьяне Ковенской и Витебской губерний переходят на, так называемые, колонии, без всякого содействия Правительства, на собственные средства, не требуя и не получая никаких льгот. Впротивем, обширные разверстания, производившиеся в государствах Германии, показывают, что все расходы по расселению быстро окупаются в первые же годы после разверстки, благодаря необыкновенному подъему крестьянских хозяйств.

Для селений, требующих лишь сведения целесообразно расположенных полей, расходы не могут быть велики и самая операция не представляет ни малейших трудностей. Во многих случаях она может быть произведена постепенно, при условии восстановления сил 165 ст. положением о выкупе. Не считая себя вправе касаться этого вопроса с точки зрения юридической и аграрной политики в настоящих моих заключениях, я позволяю себе выразить лишь надежду, что правительство не оставит его без внимания. Устройству хуторского хозяйства и вообще разверстанию крестьянских селений в подворная владения о совершенно противостоят малоземелье крестьян и необходимость для ведения хуторского хозяйства больших участков. На практике, ни теория никогда таких требований не ставила, и вопрос о малоземелье или екости территории разрешается совершенно одинаково как для хуторских подворных владений, так и для общинных. Записка департамента земледелия признает, что о малоземелье крестьян можно говорить лишь относительно, применительно к разным условиям каждой данной местности, но затѣм допускает возможность определить минимальный участок крестьянского двора для данной местности, ссылаясь на расчеты земских статистиков, в основание которых приняты средние для губерний состав крестьянской семьи, средние за 10 лет урожаи, бюджеты, записанные земскими статистиками в разные местности России и пр. Прежде всего замѣту, что о бюджетах, записанных земскими статистиками, мы ничего не знаем, и очень жаль, что записка департамента земледелия не указала этих земских сборников, в которых они значатся, так как во многих известных мы сборниках их нѣтъ. Что же касается до среднего состава крестьянской семьи и урожаев, то поубѣдныя, а тѣм болѣе поубѣдныя цифры тут ровно ничего не значат, а потому вся постройка для определения минимальной нормы земельного участка возведена на ложном основании. Чтобы получить цифры, на основании которых можно было бы вывести болѣе или менѣе правильныя заключения, необходимо взять группы крестьянских дворов, изслѣдованных подробно на мѣстѣ, по земским статистикам всегда нѣбывают в виду селения (общины), волости, уѣзды и проч., а не дворы—сѣмства, а потому все их выводы для определения хозяйственной способности крестьян совершенно негодны. Для одиночки, например,

может быть достаточно одной усадьбыной осѣдлости, потому что вести полевое хозяйство нѣтъ лишнее возможности, не нѣтъ рабочих рук и посвящая свою хозяйственную деятельность тому или другому промыслу, а для многоземелья и многомощнаго двора будет, может быть, мало 50 десятин; какой же вывод нам дадут среднія поселенныя, а тѣм болѣе поубѣдныя и поубѣдныя цифры, и может ли мы на основаніи этих цифр установить средній минимальный размѣръ подворнаго участка? Это будет безплодная игра цифрами. Вообще нормальный размѣръ крестьянскаго подворнаго участка—факція. Можно лишь указать, какъ это сдѣлал экономист Рау, что минимальный размѣръ, необходимый для содержания семьи (Unterhaltsminimum), не соответствует минимальному размѣру, удовлетворяющему рабочему составу семьи (Arbeitsminimum). Законъ же о екости территории вообще не допускаетъ никакого рѣшенія, и всякое искусственное разбѣженіе населенія ведетъ лишь къ затѣжѣ процесса перехода населенія къ высшимъ хозяйственнымъ культурамъ и развитію городской обрабатывающей промышленности. Для нашей же Имперіи всякія искусственныя или насильственныя мѣры къ разбѣженію населенія прямо вредны, принимая въ соображеніе нѣточность городского населенія, городского промысла и весьма низкую сельскохозяйственную культуру. Проектировать агрономическія мѣропріятія рядомъ съ мѣрами къ расселенію или переселенію избыточнаго населенія, какъ это допускаетъ записка департамента земледѣлія, есть прямое и необъяснимое противорѣчіе.

А между тѣмъ департаментъ земледѣлія совершенно не коснулся одного важнаго явленія въ нашей сельской жизни, которое заключается въ томъ, что почти рядомъ съ селеніями, у которыхъ нѣдѣлы раздроблены до чрезвычайности, такъ что никакая культура на нихъ невозможна, существуютъ селенія съ пустынями или запущенными пашнями за недостаткомъ рабочихъ рукъ. Подобныя аномаліи только и возможны при общинномъ землепользованіи, которое, не допуская вовсе мобилизаціи между селеніями, внутри селенія производитъ искусственно самую невѣроятную мобилизацію земель владѣльцевъ, и подобный процессъ, развиваясь все болѣе и болѣе, приведетъ, наконецъ, къ самымъ фатальнымъ послѣдствіямъ. Не странно ли, что защитники общиннаго землепользованія, возстава противъ естественной мобилизаціи, которую создаетъ сама жизнь и которая такъ необходима для развитія хозяйствъ, созданія новыхъ и поддержанія старыхъ,—допускаютъ и требуютъ самой широкой мобилизаціи владѣльцевъ внутри общины—селенія? Едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что при такомъ невѣроятномъ искусственномъ порядкѣ вещей никакія правительственныя мѣропріятія не достигнутъ своей цѣли. Проектируемаго департаментомъ земледѣлія переселенія избыточнаго населенія изъ малоземельныхъ общинъ ничуть не помогутъ горю, ибо основная причина зла не будетъ этимъ устранена.

Что же касается до формъ расселенія (разверстки), то таковыя могутъ быть произведены или отдаленными дворами или комплексами дворовъ; все здѣсь зависитъ отъ условій мѣстности. Но каковы бы форма ни была, земельныя отношенія подворныхъ владѣльцевъ могутъ быть основаны лишь на полномъ правѣ собственности, согласно съ основными положеніями законодательныхъ актовъ 19 февраля 1861 г. Положеніемъ 19 февраля отнюдь не противорѣчатъ и форма общаго владѣнія (напротивъ, она прямо ими предусмѣтрѣна), которую въ некоторыхъ случаяхъ крестьяне могутъ предпочесть для нѣкоторыхъ угодій (выгонъ, лѣсъ); въ такомъ случаѣ она устанавливается актомъ разверстанія. Известно, что, такъ называемые, «Almdenen» сохранились и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Западной Европы, и вопросъ о законности ихъ существованія съ точки зрѣнія экономической и отчасти аграрной рѣшается различно, смотря по тѣмъ или другимъ условіямъ мѣстности и культурнымъ требованіямъ.

То же самое слѣдуетъ сказать и объ общихъ владѣніяхъ лѣсныхъ товариществъ (Haubergsgenossenschaften). У насъ

сходныя отношенія представляют владѣнія поемными лугами и лѣсами у крестьян-собственниковъ, извѣстныхъ подъ дореформеннымъ наименованіемъ «свободныхъ хлѣбопашцевъ».

Разумѣется, для проведенія разверстаній въ широкомъ смыслѣ, особенно принудительныхъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ центральной черноземной полосы, необходимы правительственныя организаціи, составленныя изъ компетентныхъ лицъ (агрономовъ, землемѣровъ и проч. и прежде всего юристовъ). Для опредѣленія формъ и проч. подобныхъ организацій можетъ служить примѣръ Пруссіи и другихъ германскихъ государствъ.

Противъ разверстаній часто представляютъ возраженія въ смыслѣ недостаточности будто бы технического персонала. Въ такомъ случаѣ совершенно непонятно, какимъ образомъ допускаются нѣмцы агрономическія организаціи. Землемѣріемъ правительство и частныя владѣльцы занимаются со времени царствованія Екатерины II, а агрономіей земства стали заниматься недавно. Если землемѣровъ мало, то необходимо сдѣлать такъ, чтобы ихъ было достаточно для проведенія мѣры въ высшей степени важной во всѣхъ отношеніяхъ.

Обращаясь къ организаціямъ, проектированнымъ запиской департамента земледѣлія и признавая въ принципѣ плодотворность дѣятельности земскихъ органовъ, сельскохозяйственныхъ обществъ и мѣстныхъ органовъ Министерства Земледѣлія для выясненія сельскохозяйственныхъ нуждъ того или другого района, я долженъ замѣтить, что проведеніе на практикѣ агрономическихъ примѣровъ принадлежитъ хозяину и ему же принадлежитъ организація своего хозяйства. Если же допустить, что вышеозначенные органы будутъ руководить хозяйствомъ, то слѣдуетъ возложить и отвѣтственность на нихъ за результаты всѣхъ принятыхъ агрономическихъ мѣръ, что, конечно, невозможно. Не могу согласиться съ изложеннымъ въ запискѣ департамента земледѣлія живѣишемъ, — что трехпольное хозяйство — рутинна, а болѣе совершенныя формы хозяйства лишены рутинны и требуютъ знаній, для пріобрѣтенія коихъ необходимы спеціальныя школы. Рутинною можетъ быть всякая форма хозяйства, даже самая совершенная, и дѣло вовсе не въ формѣ хозяйства, а въ томъ, какъ оно ведется.

Настоящій хозяинъ допускаетъ рутину только тамъ, гдѣ она умѣстна и гдѣ, слѣдовательно, она теряетъ характеръ рутинны; по книжкамъ вести хозяйство нельзя. Напротивъ, веденіе хозяйства по бюрократическимъ образцамъ, хотя бы и земскимъ, какъ разъ приведетъ къ рутинѣ.

Относительно спеціальныхъ земледѣльческихъ школъ замѣчу, что хотя всякое знаніе полезно, но никакая школа не

дастъ хозяина, не дастъ даже простаго работника. Техника у крестьянъ за послѣднее время весьма понизилась: иногда цѣлой артели работниковъ нѣтъ ни одного, умѣющаго правильно отбить косу, да и косить наши крестьяне разучились. Къ сожалѣнію, питомцы школъ Министерства Государственныхъ Имуществъ тоже не умѣли отбивать косъ и не знали многихъ мелкихъ техническихъ примѣровъ, хотя назначались, по своему образованію, быть руководителями пахарей. Лучшіе школы для земледѣльцевъ будутъ всегда сама жизнь и если чужое хозяйство. Наши грабари никогда не учились школахъ копать землю, а могутъ быть признаны великодушными техниками въ своемъ дѣлѣ.

Конечно, я не буду отрицать извѣстной пользы для крестьянъ отъ печатныхъ и устныхъ полученныхъ по хозяйству, но при условіи строгаго надъ ними контроля со стороны правительства, чтобы не прошла въ народѣ незакононая и опасная контрбанда.

На основаніи изложеннаго общее мое заключеніе по запискѣ департамента земледѣлія сводится къ нижеслѣдующему.

I. Наше крестьянство находится въ періодѣ своей организаціи, задержанной неблагоприятными обстоятельствами, а потому благотворное содѣйствіе со стороны правительства для ускоренія процесса организаціи крестьянскихъ подворныхъ хозяйствъ въ высшей степени желательно.

II. Содѣйствіе это должно выразиться прежде всего въ установленіи устойчивости землевладѣнія посредствомъ отмены круговой поруки и восстановленія права крестьянъ на долгосрочный выкупъ надѣловъ.

III. Для окончательной организаціи крестьянскихъ хозяйствъ необходимо установленіе правилъ разверстки угодій въ подворныя владѣнія, — добровольной или принудительной, съ учрежденіемъ особахъ для сего органовъ.

IV. Для быстрого развитія крестьянскихъ и земледѣльческихъ хозяйствъ въ культурномъ отношеніи и особенно — крупныхъ меліорацій правительство можетъ оказывать особое содѣйствіе къ организаціи товариществъ, по примѣру прусскаго правительства, допускающаго для товариществъ большихъ районовъ выпускъ облигацій съ своей гарантіей¹⁾.

V. Земская организація, отвѣкая средства и энергію земства отъ удовлетворенія примыхъ и обязательныхъ нуждъ, не можетъ быть допущена. Напротивъ, всякая организація со стороны Министерства Земледѣлія и подъ его непосредственнымъ контролемъ весьма желательна, причѣмъ участію Министерства должно быть предоставлено установленіе формы и способа организаціи, такъ какъ таконныя завязаны отъ мѣстныхъ условий въ разныхъ районахъ Имперіи.

II. II. Дюженъ.

¹⁾ Какъ примѣръ, приведу образованіе товарищества Алтештейскаго округа, Кенигсбергскаго уѣзда. Товарищество представляетъ ассоціацію дѣлаго округа. Уставъ былъ утвержденъ 15 мая 1845 года, причѣмъ товариществу было предоставлено съ гарантіей государства выпустить на 500,000 талеровъ 3% облигацій. Плодотворная дѣятельность товарищества привела къ тому, что впоследствии, при образованіи новыхъ товариществъ, никакихъ гарантій со стороны государства уже не требовалось. До 1867 года такихъ товариществъ въ Пруссіи образовалось 359 съ капиталомъ 15,945,601 тал. и меліоративной площадью въ 2,928,922 м.